

— Я буду ждать твоего возвращения.

Вообще-то, они должны были поужинать все вместе, но два князя терпеть друг друга не могли, и Гу Тин с Мэн Чжэнем всерьёз опасались, что, не успев взяться за палочки, те снова начнут драку. Поэтому ужинали они отдельно, и не в Резиденции Князя-защитника Севера, а в маленьком дворике Гу Тина.

Мерцал огонёк свечи, от углей исходило тепло и тонкий аромат благовоний. На столе стояли простые домашние блюда и уха, сваренная самим хозяином. Дворик Гу Тина был небольшим, но очень уютным.

Глядя на сидевшего напротив изящного юношу, Хо Янь с чувством произнёс:

— Никогда бы не подумал, что наш первый совместный ужин пройдёт вот так.

Гу Тин приподнял бровь.

— Не нравится? Что ж, у меня тут простая еда, князю, наверное, не по вкусу.

Хо Янь без церемоний подцепил палочками кусок рыбы.

— Что я люблю есть, ты ведь всегда знал, не так ли?

Гу Тин чуть не поперхнулся.

«Кто знал?! Мы до этого виделись всего один раз, не надо говорить так двусмысленно! И вообще, ту рыбу ты тогда так и не съел!»

Чувствуя, что разговор с этим человеком постоянно сворачивает куда-то не туда, Гу Тин решил сменить тему.

— Ты и Мэн Цэ давно знакомы?

Хо Янь посмотрел на него с лукавой усмешкой.

Гу Тин тут же отвернулся.

— Ничего особенного, просто так спросил. Вы, кажется, очень хорошо друг друга знаете, даже

понимаете без слов.

Хо Янь распробовал рыбу — нежную, тающую во рту, с долгим послевкусием — и лишь потом ответил:

— Мы с Мэн Цэ знакомы больше десяти лет, подружились ещё в юности.

Учитывая их возраст и воинское мастерство, Гу Тин, моргнув, почти представил себе ту картину: знакомство в юности, полное отваги и пыла.

— Вместе дрались, вместе проходили через опасности?

— Угу.

Уголки губ Хо Яня дрогнули, в его взгляде промелькнуло тепло, но оно тут же погасло, сменившись тенью.

— Шесть лет назад я думал, что он придёт ко мне. Но так и не дождался.

Вспомнив их недавнюю схватку и сказанные слова, Гу Тин отложил палочки.

— Шесть лет назад... ты просил его о помощи?

Хо Янь, глядя в сторону, поднял пиалу и отпил ухи.

— В юношеском порыве мы с ним хотели стать побратимами. Поклялись прожить жизнь бок о бок, и если один из нас умрёт первым, другой позаботится о его семье. Шесть лет назад, во время большой войны, я был на востоке, но мои верные люди оставались здесь. Когда возникла смертельная опасность, они отправили ему весть с просьбой о помощи. Он не пришёл.

Ветерок колыхнул пламя свечи, оно вспыхнуло ярче, и на мгновение крошечный огонёк стал ослепительно-острым, режущим глаза.

Гу Тин с сомнением произнёс:

— Мне кажется, Мэн Цэ не из тех, кто способен на предательство. Может, на то были какие-то веские причины?

Хо Янь поставил пиалу.

— В то время его брат был болен.

— Мэн Чжэнь?

Хо Янь кивнул.

— Мэн Чжэню тогда было всего десять, он был слаб и болен, подхватил простуду и находился при смерти.

Теперь Гу Тин понял.

— Значит, Мэн Цэ не смог прийти на помощь из-за болезни брата?

Хо Янь молча смотрел на уху в своей пиале.

— Какая жалость...

Снег за окном всё шёл, тихо ложась на крыши и на сердца людей. Некоторые вещи ощущаешь, даже будучи далеко.

Даже сейчас, будучи посторонним, он не мог описать свои чувства. Что же тогда творилось в душах тех двоих?

— Ты не обижаешься? — тихо спросил он Хо Яня.

Хо Янь поднял глаза.

— Это он обижается больше.

Гу Тин понял.

— Поэтому вы и дрались, и ты говорил ему те слова.

— Мэн Цэ прав: если не можешь защитить свою семью, значит, ты сам ни на что не годен. Моей семье Хо было суждено пережить это несчастье, и винить в этом некого. Прежде чем винить Мэн Цэ в том, что он не пришёл на помощь, я должен винить себя в своей беспомощности, — голос Хо Яня стал глуше. — Никто мне ничего не должен. Помочь — это милость, не помочь — это право. Мэн Цэ не в чем упрекнуть. Но он никак не может пережить это, и от этого мне только сложнее.

Гу Тин осторожно спросил:

— Ты не винишь его? Совсем?

Хо Янь покачал головой, его взгляд был глубок.

— Нет. Я защищаю то, что должен, он защищает того, кого хочет. У каждого в сердце свои приоритеты, и ничей выбор не лучше и не хуже другого. Нельзя заставить.

— Но?

— Но мы повзрослели. Нельзя, как в юности, во всём идти напролом, не оглядываясь.

Хо Янь залпом осушил чарку с вином.

Он не сказал больше ни слова, но Гу Тин почувствовал глубокую безысходность и печаль. Хо Янь — стойкий и отважный, прекрасный, как небожитель. Мэн Цэ — проникательный и дальновидный, с томным взглядом. В юности они, должно быть, были как герои из сказаний — на резвых конях, в роскошных одеждах, вершащие справедливость. Но сегодня они стояли друг против друга с мечами в руках, бросая злые слова. Время всё изменило.

Он хотел утешить Хо Яня, но не знал как. Взросление — жестокая штука. Ты познаёшь холодность мира и коварство людей, сталкиваешься с предательством и ударами в спину, стискиваешь зубы, глотая обиду, отряхиваешься и идёшь дальше, делая вид, что ничего не произошло.

Все проходят через это, постепенно взрослея, закаляя себя, становясь несокрушимыми, обретая свои убеждения и принципы. Но у Хо Яня всё было иначе. У него не было времени. Все несчастья обрушились на него разом, заставляя принять их, проглотить, не жалуясь.

Гу Тину вдруг захотелось быть старше. Будь он ровесником Хо Яня, если бы ему посчастливилось встретить его тогда, он бы непременно был рядом, помог бы ему пройти через это трудное время.

— Что это за взгляд? — внезапно спросил Хо Янь.

Пойманный на том, что он его разглядывает, Гу Тин смутился, но, чувствуя, что признаться — значит проявить слабость, вызывающе посмотрел на него.

— А что, нельзя на тебя смотреть?

Взгляд Хо Яня смягчился, в нём промелькнуло тепло.

— Можно. Смотри, сколько хочешь. Протяни руку.

— Что?

Гу Тин протянул руку, и на его ладонь лёг маленький, изящный, чуть тёплый предмет — нефритовый свисток.

— Это тебе.

— М-м?

— Свисти в него, и если я буду рядом, то приду. Если попадёшь в беду, с ним ты сможешь войти в Резиденцию Князя-защитника Севера и найти управляющего. Он тебе поверит.

Маленький нефритовый свисток поблёскивал в его руке. Гу Тин был ошеломлён.

— Такую важную вещь... просто так... мне?

Хо Янь спокойно смотрел на него.

— Даже если ты не захочешь видеть меня, ты, наверное, будешь скучать по Сяо Хуа. Но пока я здесь, он тебе вряд ли понадобится. А когда меня не будет, если соскучишься по Сяо Хуа, можешь в любое время прийти повидаться.

Гу Тин опустил глаза.

— Когда ты его приготовил?

— Перед тем, как идти к тебе.

Перед тем, как идти к нему... они ведь тогда были в ссоре? Хо Янь уже тогда был уверен, что сможет отдать ему эту вещь? И свисток был тёплым...

— Ты носил его с собой... всё то время, что дрался?

Гу Тину стало больно при одной мысли об этом. Свисток был из превосходного нефрита, с тончайшей резьбой, похожий на миниатюрный бамбуковый росток, изящный и милый. Что, если бы он разбился в схватке?

Лицо Хо Яня тут же потемнело.

— Кто же знал, что этот Мэн нападёт именно в это время.

Гу Тин повертел в руках маленький свисток.

— Почему бамбук?

Хо Янь, прикрыв рот кулаком, кашлянул.

— Подумал, тебе понравится.

Гу Тин промолчал.

— Тебе нравится?

— Нравится... наверное.

Ужин был окончен. Хо Янь встал и большой ладонью потрепал Гу Тина по голове.

— Ладь с Мэн Чжэнем. Он простой парень, зла тебе не причинит.

— Угу.

— Я пошёл, — Хо Янь решительно направился к выходу, на прощание махнув рукой. — Когда я здесь, все чувствуют себя неловко. Будет время — приходи повидать Сяо Хуа.

— Я провожу тебя.

***

Проводив Хо Яня, Гу Тин вернулся в галерею и увидел Мэн Цэ. Тот сидел, прислонившись к перилам, с кувшином вина в руке, и смотрел на старую сливу, цветущую во дворе.

Гу Тин подошёл.

— У вас с братом, оказывается, одинаковые вкусы. Мэн Чжэнь тоже любит эту красную сливу, — он даже плакал под ней тайком.

Мэн Цэ, увидев его, встряхнул кувшин.

— Выпьешь?

— Давай, — Гу Тин подошёл, взял со столика чарку и позволил Мэн Цэ налить ему вина. — Где Мэн Чжэнь?

— Спит. Наверное, сегодня очень устал, спит крепко, — Мэн Цэ налил вино и посмотрел на Гу Тина, его взгляд был тёплым. — Мой брат ведь милый, правда?

Гу Тин кивнул.

— Да. Так и хочется его баловать.

Брови Мэн Цэ расправились, он был явно доволен.

— Правда ведь? Спасибо, что позаботился о нём. Эту чарку я пью за тебя.

Он залпом осушил свою чарку.

Гу Тин на мгновение растерялся. Мэн Цэ сейчас был совсем не таким, как днём. Черты лица те же, но вместо дневной холодности и мрачности в его взгляде теперь была нежность, и он с гордостью хвастался своим братом. Если бы он не видел этого своими глазами, то подумал бы, что это два разных человека.

Раз уж тот был так откровенен, Гу Тин тоже решил не таиться.

— В этот раз Мэн Чжэнь попал в беду, кажется, из-за одного из своих верных охранников... Князь знает об этом?

Мэн Цэ замер.

— Он и вправду тебе всё рассказывает.

Гу Тин улыбнулся.

— Мы ведь друзья.

Мэн Цэ сложил руки в знак уважения.

— С этим уже разобрались. Спасибо за беспокойство.

Ночной ветер был ледяным, обжигая лицо. Но красная слива во дворе, казалось, совсем его не боялась. Она тихо распускала свои бутоны, лепесток за лепестком, трепеща, раскрываясь, являя миру свою хрупкую и сильную душу.

— Князь никогда не думал... рассказать Мэн Чжэню о том, что происходит снаружи, помочь ему повзрослеть? — после долгого молчания всё же спросил Гу Тин. — Он кажется очень нежным, но на самом деле он умён и очень чуток.

— Как же я не думал? — Мэн Цэ посмотрел на нежные лепестки красной сливы, его лицо омрачилось. — В жизни всякое бывает. Как бы я его ни оберегал, это не заменит его собственной силы. Я бы с радостью научил его всему, что умею сам, но его тело... не позволяет.

Гу Тин удивился.

— Тело?

Мэн Цэ кивнул, его руки за спиной медленно сжались в кулаки.

— Ему нельзя много работать и много думать. Даже при хорошем уходе он то и дело кашляет кровью. Если он переутомится или будет много переживать, его здоровье не только не улучшится, но и жизнь его может сократиться.

Гу Тин нахмурился.

— Что с ним... что у него за болезнь?

— Это не болезнь. Это яд.

— Какой яд?

Мэн Цэ замолчал, и Гу Тин не стал больше спрашивать. Он думал, что на этом разговор окончен, но спустя долгое время Мэн Цэ всё же сказал:

— Незвестный яд. Он был отравлен ещё в детстве. За эти годы мы обошли всех лекарей, всех знаменитых врачей Поднебесной. Лекарства нет. Нынешнее состояние — лучшее, чего удалось достичь. Если он будет беречь себя, не переутомляться, не переживать, то сможет дожить до старости. Кашель с кровью вылечить нельзя, если его вылечить, яд тут же убьёт его. Врачи говорят, что в этом нет ничего страшного. У человека есть селезёнка, если он будет хорошо питаться, потерянная кровь восстановится, это не опасно. Но если он будет испытывать

сильную радость, гнев, печаль или тревогу, кашель усилится, селезёнка не справится, и тогда даже бессмертные не смогут его спасти.

Гу Тин понял.

— Значит, в этот раз он так сильно кашлял кровью, потому что попал в беду, испугался, расстроился, много думал?

Во взгляде Мэн Цэ промелькнула боль.

— Да. И спасибо за твои лечебные блюда. Если бы не твоя помощь, я бы, наверное, не увидел...
— более страшные картины, более страшные слова он не смел себе представить и не смел произнести.

Гу Тин вспомнил, как впервые увидел Мэн Чжэня, и его сердце тоже сжалось от жалости. Без воинских навыков, без особых умений для выживания, он один проделал такой долгий путь, боясь опасностей, никому ничего не говоря, ни у кого не прося помощи, постоянно кашляя кровью. Он дошёл до предела, исхудал, изголодался. Если бы не счастливая случайность, приведшая его к нему домой, сколько бы Мэн Чжэнь ещё прожил?

Мэн Цэ провёл рукой по лицу.

— Про то, что было шесть лет назад... Хо Янь тебе всё рассказал, да?

Гу Тин кивнул.

— Да.

Впрочем, даже если бы он не признался, Мэн Цэ и так бы всё понял. Во-первых, Хо Янь смотрел на Гу Тина как-то по-особенному, было ясно, что они очень близки и у них нет друг от друга секретов. Во-вторых, дворик был небольшой, и если постараться, можно было услышать всё, что здесь говорилось и делалось.

— Не говори моему брату. Он больше всего боится быть обузой.

Гу Тин на мгновение замер, а потом улыбнулся.

— Вы с Хо Янем и вправду друзья. Только что, провожая его, я услышал от него то же самое.

— Хо Янь... — Мэн Цэ запрокинул голову, прикрыв глаза рукой. Его голос дрогнул. — Я ему должен. Шесть лет я ждал, что он придёт со мной рассчитаться, и в то же время...

Он не договорил, но Гу Тин понял: он ждал расплаты и боялся её.

— Я столько ему должен, но не смею отдать даже свою жизнь, — голос Мэн Цэ стал тише. — Мой брат ещё так мал. Если меня не станет, как он будет жить?

— Я всегда был подлецом, так и буду жить дальше.

На этом разговор закончился. Вино ещё не было допито, а он уже был пьян. Мэн Цэ встал, оправил одежду.

— Я откланяюсь.

Гу Тин проводил взглядом его удаляющуюся вглубь галереи фигуру и ещё лучше понял слова Хо Яня и то бремя, что нёс на себе Мэн Цэ. У каждого из них был свой свет, освещающий путь впереди и людей рядом. А некоторым... достаточно было просто жить, чтобы спасти кого-то.

Мэн Цэ нёс на себе свой груз, и Хо Янь это знал. Пока этот узел не будет развязан, они не смогут общаться как прежде. Никто из них не был виноват, и Мэн Чжэнь тоже. Виновата была война и те, кто плёл интриги за их спинами! Тридцатитысячная армия-защитница Севера, жизни членов семьи Хо, страдания жителей приграничья — что всё это для тех людей? Успех, политические достижения, огромная выгода? Неужели их сердца не сжимались от боли? Неужели по ночам им не снились души убитых, требующие отмщения?

В прошлой жизни он этого не знал. Но раз уж в этой он здесь, он должен сделать что-то значимое. По крайней мере, в этой партии он глубоко укоренится в Цзююане и позволит своему свету озарить это место!

***

На следующее утро Мэн Чжэнь проснулся, протёр глаза и по привычке позвал:

— Брат?

Никто не ответил. Неужели вчерашнее было сном?

— Брат! — в голосе Мэн Чжэня послышалась тревога.

— Проснулся? — Мэн Цэ подошёл с горячим полотенцем, чтобы утереть лицо брату. — Соня, ты посмотри, сколько времени, а ты всё не встаёшь.

Увидев брата, Мэн Чжэнь тут же расслабился. Он послушно поднял лицо, позволяя себя

умывать, и глупо улыбнулся.

— Брат... ты пришёл за мной!

— Угу, — Мэн Цэ опустил голову и прижался лбом ко лбу брата. — Если бы я не пришёл, ты бы, наверное, и вовсе с жизнью распрощался.

— Хе-хе... но ведь я в порядке! Дуракам везёт! — он протянул к брату руки.

Мэн Цэ накрыл их полотенцем и вытер.

Мэн Чжэнь отдернул руки.

— Не это!

— А что?

Мэн Чжэнь надул щёки.

— Деньги, деньги!

Мэн Цэ промолчал.

Видя, что брат «тупит», Мэн Чжэнь решил действовать сам. Он принялся его обыскивать и нашёл... несколько серебряных ассигнаций. Хоть и крупного номинала, но их было слишком мало.

— И это всё? — Мэн Чжэнь был очень недоволен.

Мэн Цэ вздохнул.

— Я спешил тебя найти, не успел взять больше.

Мэн Чжэнь надул свои пухлые щёчки и с презрением произнёс:

— Брат такой бедный.

Он привычно пошарил по одежде Мэн Цэ и извлёк прямоугольную нефритовую табличку.

— Раз есть это, так и быть, прощаю.

Больше не обращая внимания на брата, он, обхватив пачку ассигнаций и табличку, подбежал к Гу Тину и выложил всё на стол.

— Тебе!

Гу Тин был в шоке.

— М-м?

Лицо Мэн Чжэня было серьёзным.

— Я не буду есть у тебя даром! Э-э... хотя я тогда нагло к тебе привязался и съел много твоего, но это потому, что я знал, что у моего брата есть деньги и он сможет тебе потом заплатить.

Уголки губ Гу Тина дёрнулись.

— Я же говорил, между друзьями нет никаких долгов. Я заботился о тебе не из-за денег.

— Я знаю, — лицо Мэн Чжэня выражало крайнее неодобрение. — Но раз уж тебе дают даром, почему бы не взять? Это же деньги!

Гу Тин промолчал.

«Ты так обдираешь своего брата, он хоть знает?»

Видя, что мальчишка готов устроить скандал, если он не примет дар, Гу Тин взял ассигнации, а табличку вернул.

— Мне этого достаточно.

Переродившись, он стал разбираться в вещах. Эта нефритовая табличка была явно непростой: качественный материал, изысканная работа, фамильный герб, следы времени — очевидно, вещь, которой пользуется Князь Гуцзана и которая, возможно, даёт доступ к его ресурсам.

Мэн Чжэнь надулся.

— Нет, ты должен взять!

Гу Тин потёр лоб. Вот незадача.

Мэн Цэ, стоявший за дверью, тоже потёр лоб. Ну и братец у него...

Постучав, он вошёл в комнату и кивнул Гу Тину.

— Раз уж он тебе дал, бери. Эта вещь не так страшна, как ты думаешь. С её помощью можно связаться со всеми лавками и людьми Князя Гуцзана и попросить о помощи, а также получить деньги, правда, на короткий срок и в ограниченном количестве.

Гу Тину ничего не оставалось, как взять табличку.

— Тогда я принимаю.

Впрочем, неважно, примет он её или нет. Он просто не будет ею пользоваться.

— И ещё, я пришёл попрощаться.

При этих словах Гу Тин ещё не успел отреагировать, а Мэн Чжэнь уже замер.

— Так... быстро?

Мэн Цэ погладил брата по голове.

— Я слишком долго отсутствовал. Раз уж я тебя нашёл, мне не стоит больше задерживаться.

Мэн Чжэнь всё понял и послушно кивнул. Его глаза медленно наполнились слезами.

Он рос не так, как обычные люди. Впервые в жизни он познал вкус дружбы, и, не успев им насладиться, уже столкнулся с расставанием.

У Гу Тина тоже защемило сердце. Он подошёл и взъерошил волосы своего маленького друга.

— Ну-ну, мы ведь не так далеко друг от друга. Можем писать письма. А после Нового года я приеду к тебе в гости, хорошо?

— Договорились! Ты обязательно должен мне писать! — Мэн Чжэнь, с покрасневшими глазами, отвернулся. — Я сейчас же уйду с братом. Не провожай меня, я не хочу плакать.

— Хорошо.

Гу Тин тоже не любил расставания и не хотел видеть удаляющуюся спину друга.

— Тогда... до встречи.

— Да, береги себя в дороге.

Мэн Цэ появился внезапно и так же внезапно ушёл. Не собрав никаких вещей, он попрощался и увёл с собой Мэн Чжэня.

Гу Тин всё же вышел в галерею и молча смотрел, как спины двух братьев удаляются и исчезают в снежной пелене. Рядом с ним, в тишине, стоял лишь У Фэн.

Когда он только приехал в Цзююань, всё было так же: небольшой дворик, тишина вокруг, рядом только верный слуга. Но тогда он не чувствовал одиночества, лишь прилив сил и энтузиазма. А сейчас...

Гу Тин плотнее закутался в одежду. Зима в Цзююане была очень холодной.

***

Князь Гуцзана, промчавшись, как вихрь, приехал и уехал, и больше его никто не видел. Лишь тогда Цзян Муюнь понял — это был спектакль! Рассказ! Все эти новомодные истории, которые в последние дни рассказывали в городе, были о двух братьях! Мэн Цэ, услышав их, сразу понял, на кого они намекают, и, конечно же, не поверил ему! А разузнав, откуда они пошли, понял — это дело рук Гу Тина!

Опять он...

Он знал, что Гу Тин умён, но не думал, что настолько. Когда Гу Тин в гневе сбежал, он думал, что тот просто капризничает, думал, что их дружба достаточно крепка, и когда гнев уляжется, всё можно будет уладить. Но теперь он видел, что что-то не так. Поступки Гу Тина совсем не походили на импульсивные действия обиженного человека.

Казалось, тот отдалился от него. Может, потому что он в последнее время слишком сблизился с Гу Цинчаном? Как теперь всё это исправить, какой выбор сделать?

Ю Дачунь, упустив Цин Суня и не поймав Гань Сынян, в ярости разнёс всю комнату. К чёрту! Не нужна ему эта слава, не нужна! Поимка шпионов всё равно не сравнится с военными заслугами. Как бы ни был силён Князь-защитник Севера, как бы крепко он ни держал оборону, если ему представится возможность, сможет ли этот Хо ему помешать? Вспомнив слова

старого евнуха Ли Гуя и вести от Северных Ди... Ю Дачунь принял решение.

***

Утром он проводил братьев Мэн, а днём Гу Тин узнал новость — Цин Сунь мёртв.

Такой важный шпион, из-за которого было столько шума, внезапно умер! Что случилось? Он хотел немедленно пойти к Хо Яню и всё выяснить, но тот сам пришёл в его маленький дворик.

— Ты как...

Хо Янь был спокоен.

— Знал, что ты захочешь меня найти, вот и пришёл первым.

Гу Тину было не до шуток.

— Цин Сунь мёртв? Твои люди ведь следили за ним?

Хо Янь кивнул.

— Поэтому и выяснили. Это было самоубийство.

Самоубийство? Почему?

Гу Тин не понимал.

— Я всё ждал, когда он свяжется со своим начальством. Чтобы он ничего не заподозрил, я даже создавал суматоху, чтобы держать его в напряжении. Но до самого конца он ни с кем не связался. Я отпустил его, ты тоже дал ему свободу. Он мог идти куда угодно, связаться с кем угодно, но не сделал ничего. Он инсценировал безупречное убийство и покончил с собой. Поэтому...

Гу Тин прищурился.

— Он и был тем, кто стоял за всем этим?

Зная, что Хо Янь ведёт расследование, он решил просто обрубить все концы? Но зачем тогда была вся эта суматоха? В чём был смысл?

— Смысл был, — прищурился Хо Янь. — Если бы мои люди не следили за ним неотступно, то, когда бы его нашли, вряд ли бы поняли, что это самоубийство.

За этим что-то стояло.

Возможно, задачей Цин Суня и было создать хаос, посеять сомнения в душе Хо Яня, а затем умереть, чтобы ещё больше разгневать и уязвить его.

— Гань Сынян? — Гу Тин почувствовал неладное. — Где Гань Сынян?

— В моей резиденции. Ещё не заговорила.

В ушах у Гу Тина зашумело. Что-то было не так, всё было не так, за этим определённо что-то крылось! Но он не мог понять что. Сердце колотилось, предчувствие было очень плохим. О чём же он забыл...

Вдруг издалека донёсся гул барабанов, удар за ударом, тяжёлый, глухой, отдававшийся в груди.

Хо Янь встал, его вид мгновенно стал суровым.

— Это боевые барабаны. Враг атакует.

Гу Тин впервые слышал такой звук. Непонятно почему, его ладони тут же вспотели.

— Я должен идти, — Хо Янь развернулся и решительно направился к выходу.

Гу Тин бросился за ним, его голос был немного сухим.

— Тогда... тогда я буду ждать твоего возвращения, поговорим потом.

— Будешь ждать моего возвращения? — Хо Янь внезапно обернулся, на его губах играла странная усмешка.

Гу Тин не понял, почему он остановился, и лишь повторил:

— Да, буду ждать твоего возвращения.

Хо Янь прищурился.

— Ты знаешь... что значат эти слова для человека, уходящего на войну?

Гу Тин растерялся, не сразу поняв.

— Раз уж пообещал, должен сдержать слово, — Хо Янь снова резко развернулся и зашагал прочь. Его низкий голос смешался с гулом барабанов, звуча то ли как вызов, то ли как мольба.

— Жди моего возвращения!

Снежная буря поглотила его удаляющуюся фигуру и красную сливу во дворе.

Зима в Цзююане была слишком холодной. За один день пережить два расставания, последнее — под звуки боевых барабанов. Гу Тин не выдержал. Он опустился на корточки, обхватив себя руками, и долго-долго не мог встать.

<http://bllate.org/book/15878/1587726>